

**Булгаризмы в хантыйском языке
(с дискуссионными комментариями А. Рона-Таша)¹**

История изучения тюркских, прежде всего, кыпчакских заимствований в хантыйском языке насчитывает более 100 лет. Вопрос о тюркской лексике в хантыйском освещен в работах [Paasonen 1902; Toivonen 1943—1944; ОФУЯ 1976: 337—338; Норманская, Дыбо *forthc.*]; наиболее полно этот слой лексики отражен в “Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache” В. Штейница [DEWOS]. В большинстве случаев тюркские заимствования в хантыйском отражают специфические черты фонетики сибирско-татарского языка, как например: наличие аффрикаты *c* (~ тат. *ç*), специфические метатезы (ср. хант. *І хõмтах* ‘хмель’ < сиб.-тат. *qomlaq* при тат. *qolmaq*) и др. Исходя из этого, можно сделать вывод, что наиболее интенсивные контакты хантов с тюрками имели место на территории Западной Сибири, после отделения сибирских татар от кыпчакской общности в XVI в.

Более ранние лингвистические контакты хантов и тюрков остаются практически неизученными. В полной мере это относится к вопросу о болгарских заимствованиях в хантыйском языке. До сих пор предпринимались лишь отдельные попытки сопоставления лексики чувашского языка (единственного живого представителя болгарской группы) и обско-угорских. Так, в работе «Болгары и чувашаи» [Ашмарин 1902] дается отзыв на статью Б. Мункачи [Munkácsi 1895], посвященную, в частности, предполагаемым контактам волжских болгар и обских угров. По мнению Б. Мункачи, древнечувашское происхождение имеет хант. *јау* ‘род, племя’, а также ряд других обско-угорских слов. Анализируя доводы венгерского ученого, Н. И. Ашмарин отмечал, что «присутствие чувашских элементов в вогульском и остяцком наречиях (мансийском и хантыйском языках. — прим. А. С.) нельзя считать за вполне доказанный факт» [Ашмарин 1902: 40]. В другом месте этой работы Н. И. Ашмарин, однако, признает, что «волжские болгары могли быть народом, который был в состоянии оказать большое культурное влияние как на прочие соседние угорские народности (т. е. на хантов и манси. — прим. А. С.), так и на мадьяр (венгров)» [там же: 40].

В целом версии о наличии болгарских заимствований в хантыйском языке основывались ранее лишь на внешнем сходстве тех или иных слов. При этом не применялись должным образом данные исторической фонетики чувашского и хантыйского языков, не анализировались правила фонетической адаптации заимствований; вопрос о предполагаемой локализации и датировке болгаро-хантыйских контактов также почти не освещался. В данной статье предпринята попытка системного рассмотрения предполагаемых болгарских заимствований в хантыйском языке.

Мы осознаем, что гипотеза о прямых контактах болгар и хантов требует большой осторожности — прежде всего, в силу географических причин. Пути миграции болгарских племен из Центральной Азии на Запад в начале I тыс. н. э. пролегли значительно южнее мест обитания обских угров. Более обоснованным представляется отнесение контактов к периоду после прихода болгар в Волжско-Камский регион (кон. VII в. — нач. VIII в. н. э.). В литературе встречается мнение, что в Средние века некоторые группы обских угров могли находиться к западу от Урала, см., в частности, [Kannisto 1927; Rédei 1991]. Эта гипотеза была подвергнута обстоятельной критике, например, в работах [Напольских 2002, 2005, 2008]. Как показано ниже, количество предполагаемых болгаризмов в хантыйском языке невелико (достоверных случаев заимствования в обратную сторону нами вовсе не обнаружено), поэтому об интенсивных болгаро-хантыйских контактах речь в любом случае не идет. Однако полностью исключать факт подобного взаимодействия мы не можем.

К болгарским заимствованиям в хантыйском языке следует относить такие слова, которые отражают фонетические черты болгарской группы, не имеют приемлемой внутренней этимологии и хорошо этимологизируются на болгарской (чувашской) почве. Назовем некоторые особенности болгарского консонантизма, позволяющие отличать болгаризмы от заимствований из других тюркских, а точнее — кыпчакских языков:

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МД-6198.2013.6. В своей рецензии профессор А. Рона-Таш рекомендовал настоящую статью к печати, но высказал ряд замечаний. Часть из них автор статьи учел, он выражает благодарность рецензенту. Однако некоторые комментарии проф. А. Рона-Таша имеют дискуссионный характер и приводятся в качестве комментариев к предлагаемым в данной статье гипотезам о заимствовании.

- 1) развитие ПТю *r' > булг. *r, но ОТю *z;
- 2) переход ПТю *s > булг. *š в позиции перед ПТю *i, *i, *ia;
- 3) переход ПТю *č > булг. *š;
- 4) сохранение глайдов в нисходящих дифтонгах (в ОТю они опадают) и т. д. [СИГТЯ 2006: 14; Дыбо 2010: 83].

При работе с хантыйским материалом, учитывая возможную датировку контактов (кон. VII в. — нач. VIII в. н. э.), следует опираться не столько на данные современных диалектов, сколько на прахантыйскую реконструкцию. В пользу такого подхода говорит широкая диалектная представленность хантыйских слов, для которых мы предполагаем болгарское происхождение. В этой ситуации, видимо, целесообразно постулировать заимствования в прахантыйский язык, которые произошли в VII—VIII вв. н. э.

При реконструкции консонантизма хантыйских форм мы принимаем систему соответствий, описанную в [Honti 1982]. При работе с прахантыйским вокализмом используется реконструкция, предложенная в [Helimski 2001].

Следует отметить, что анализ системы вокализма в болгарских заимствованиях оказывается мало полезным, т. к. в прахантыйском языке и в отдельных хантыйских диалектах действовала, а в ряде случаев сохраняется и в настоящее время система умлаута [Helimski 2001]. Ср. замечание о сибирско-татарских заимствованиях в хантыйском: «Практически каждый гласный в том или ином конкретном хантыйском слове в определенном диалекте может являться результатом морфонологических чередований трех различных гласных. Учитывая этот факт, практически невозможно установить, какой именно гласный был в слове-источнике заимствования, и тем более соотнести эту информацию с особенностями вокализма сибирско-татарских диалектов (...)» [Норманская, Дыбо forthc.]. Это утверждение тем более справедливо для болгарских заимствований в хантыйском.

Вместе с тем при принятии решения о том, к болгарскому или кыпчакскому источнику следует отнести то или иное хантыйское слово, необходимо учитывать моменты, связанные с морфологией (например, одна и та же праторкская основа может быть оснащена разными словообразовательными аффиксами в чувашском и других тюркских языках) и семантикой.

Данные болгарской исторической фонетики позволяют очертить временные рамки, которыми следует датировать заимствования в хантыйский язык. В настоящее время хорошо изучены болгарские заимствования в венгерском [Gombocz 1912; Дыбо 2011; Róna-Tas, Berta 2011] и марийском языках [Räsänen 1920; Федотов 1990], а также немногочисленные заимствования из болгарского в пермские языки [Wichmann 1903; Rédei, Róna-Tas 1983]. По этим надежным случаям мы можем отследить время появления в болгарском языке тех или иных фонетических инноваций.

Большинство приведенных ниже хантыйских слов, насколько нам известно, в данной статье впервые отнесены к болгарскому источнику. Если не оговорено иное, хантыйский материал приводится по словарю В. Штейница [DEWOS]. Чувашские слова даются по «Словарю чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ] в транскрипции, принятой в [СИГТЯ 2000, 2002, 2006]. Материал сибирско-татарского языка, который приходится привлекать к анализу как конкурирующий с болгарским источником заимствований в хантыйский язык, в общем случае дается по «Словарю диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой [Тумашева 1992]. Лексика остальных тюркских языков и тюркские этимологии по умолчанию приводятся по [EDAL].

1) ПХант *pätär-ŋäj ‘водоворот’: J *pätərŋi* ‘водоворот (в течении)’ [DEWOS: 1249]. Внешней этимологии в словаре не предлагается.

Это производное слово с ПХант суффиксом *-ŋäj, который встречается, например, в словах: ПХант *künŋäj ‘радуга’ (ср. ПМанс *künŋəl id. с другим суффиксом) > V *könŋi*, J *könŋi*, DN *köŋäj*; ПХант *jetərŋäj ‘тетерка’ (ср. ПМанс *jätəri id. без суффикса) > Trj *jätərŋi*, DN *jětərŋäj*.

ПХант **pätär-* можно сопоставить с чув. *pädär-* ‘крутить, свертывать’ < ПТю **büt-ir-* ‘плести, ткать’ [Дыбо 2007: 27]. От формы ПТю **büt-iš-* ‘переплетаться, примыкать’ (с аффиксом другого залога!) образованы крх. *bütüš-* (МК), тур., аз., туркм. *bitiš-*, узб. *bitiš-*, каз. *bitis-* ‘мириться’. Из болгарского источника заимствованы венг. *pödör-* ‘скручивать между пальцами’, мар. Г *pätäräš-* и мар. Л *pütiraš-* ‘крутить, вертеть’. Существуют также тат. *böter-* ‘крутить, свертывать’ и башк. *bötörgös* ‘деталь ткацкого станка’ — по всей видимости, чувашизмы [там же].

Таким образом, для этого слова следует предполагать либо прямое заимствование из болгарского языка в прахантыйский, либо сепаратное заимствование на более позднем этапе из кыпчакского источника, куда слово, в свою очередь, попало из чувашского. В пользу последнего варианта могло бы свидетельствовать то обстоятельство, что слово фиксируется только в юганском говоре, входящем в восточную диалектную группу хантыйского языка. Однако в словаре [Тумашева 1992] это слово нами не обнаружено.

С точки зрения семантики препятствий для возведения хантыйского слова к болгарскому источнику нет: чув. *pǎǎr-* может употребляться применительно к водному течению. Ср.: *Хура шывсем йухасё пётёрёнце...* ‘Темные воды текут, вертятся’ [СЧЯ, 10: 254]².

2) ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’: V, Vj *jau*; Trj, J *jâu*; I (DN, KoP, Kr, Ts) *jaχ*; Ni, Š, Kaz, Sy *jəχ*; O *jaχ*; Ahl *jaχ*; Patk *jaχ* ‘люди, народ; мужчины, мужики’ > манс. So *jəχj* (~ *χōjan*) [DEWOS: 318]. Надежной финно-угорской этимологии у хантыйского слова нет. В. Штейниц цитирует фонетически неубедительную попытку сблизить его с пермским аффиксом множественного числа: коми зыр. *-jas*, удм. *-jos* [Uotila 1933: 183]. Тем более неприемлемо сопоставление К. Карьялайнена с венг. *jó* ‘река’ [Karjalainen 1913: 231], ставшее результатом смешения рассматриваемого слова с омонимичным хант. Vj *jau* ‘река’.

По всей видимости, речь идет о заимствовании ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’ из болгарского: ср. чув. *jǎχ* ‘род, племя’, которое находится в одном этимологическом ряду с др.-тюрк. *uq* ~ *oq*, крх. *uq* ~ *oq*, каз. диал. *йq* (в сложениях), ойр. *uq*, тув. *uq* [EDAL: 1491]. Об этом корне еще Б. Мункачи писал, что «начальное *й-* здесь могло развиться только в “угорском” (древнечувашиком, болгарском). Следовательно остяцкий ⟨хантыйский. — прим. А. С.⟩ *йax* не из алтайского, а только из болгарского» [Мункачи Письмо 1903]. Что касается замечания В. Г. Егорова («по фонетическим условиям трудно установить родство между *йax* и *ук*: в чув. яз(ыке) прот(етический) *й* появляется только перед ⟨...⟩ нелабиализованными гласными» [ЭСЧЯ 1964: 76]), то говорить здесь о «*й*-протезе» — решение сомнительное. Скорее, следует восстанавливать пратюркскую форму с дифтонгом **juk* [Мудрак 1993: 119—121] и постулировать архаизм в чувашском языке, где сохранилась пратюркская глайдовая инициаль.

Из чувашского языка были заимствованы мар. Г *jix* ‘род, поколение’, *jixsir* ~ *jiksir* ‘бесплодный’ [Федотов 1990: 184]³.

3) В одну ПХант форму не сводятся **kän* (> DN-Sal, KoP, Kr) и **kiin* (> остальные диалекты) ‘болезнь’: V, Vj, Vart, Sur (Likt), Mj, Trj, J *kijn*; DN-Sal, KoP, Kr *χein*; Ni *χin* ‘-’; Š, Kaz, Sy *χin*; Kaz также *χin* ‘-’; Patk *χein*; Ko *χaina*; Vol *хынь*, *-хын*; Ahl *χin*; PB *χin*; Reg *keny* ‘болезнь; эпидемия’ > манс. N *χin* [DEWOS: 520]. В. Штейниц сравнивает эти слова с *kañt*- ‘болеть’ (St), что неправомерно, т. к. в рассматриваемых словах представлен передний гласный, а в *kañt*- — задний, и поэтому они относятся к разным прахантыйским основам.

Реконструкция двух праформ (**kän* и **kiin*) является доводом в пользу того, что слово попало к хантам извне, причем уже после распада прахантыйского языка. Б. Мункачи постулировал для данного слова татарский источник [KSz., 1: 158], против чего возражал В. Штейниц. В [DEWOS] татарское слово не приводится, но, очевидно, речь идет о тат. *qijin* ‘трудный, тяжелый’ < ПТю **Kijn* [EDAL: 821] или **kijin* [Дыбо 2007: 42]; ср. др.-уйг. *qijn*, *qin*, тур. *kijin*, узб. *qijin*, уйг. *qijin*, башк. *qijin*, кир. *qijin*, хак. *xijix*, ойр. *qijin*. Однако в сибирско-татарских говорах фиксируются только производные глаголы — *qijna-u* ‘беспокоить; бить, притеснять’ и *qijjal-u* ‘мучиться, испытывать затруднение’ [Тумашева 1992: 138].

Лучше сравнить хантыйское слово с принадлежащим к той же пратюркской основе чув. *χən* ‘мучение; беда; болезнь’. В пользу болгарского источника говорят отсутствие инлаутного *-j-* в хантыйских формах, семантика и широкая представленность слова в хантыйских диалектах.

Хантыйское слово не сводится в угорскую этимологию с венг. *kín*, *kinok* (pl.) ‘мучение’, которое также имеет болгарское происхождение [Gombocz 1912: 95; Róna-Tas, Berta 2011: 248—250]. Любопытно, что для древневенгерского восстанавливается долгий гласный **ī* — ср. приведенную выше хантыйскую праформу с долгим **ii*. В обоих случаях речь может идти об отражении раннеболгарского развития пратюркского сочетания **ij*⁴.

4) В одну ПХант форму не сводятся **pác* (> I, Kaz, Ni, Sy) и **piic* (> VT, Vj, O) ‘бедро’: VT *pit*’; Vj *pit*’; I (DN, KoP, Kr) *pet*’; Ni, Š, Kaz, Sy *peś*; O *piś*; Ahl, PB *pēs* ‘бедро, ляжка; холка’ [DEWOS: 1251]. Сопоставляется с манс. N, LM *pēs*, P *peś*, K *piś* ~ *piš*, T *piś* ~ *pīš* id. [Munkácsi, Kálmán 1986: 436]. В [Honti 1982] реконструируется ПОБУг **pīc* ‘бедро’.

² По поводу данной этимологии ПХант **pätər-ŋǎj* ‘водоворот’ проф. А. Рона-Таш высказал следующее: “(It is morphologically problematical. The word is a verb in Chuvash. The Hungarian word is not of the Turkic origin, it is onomatopoeic, therefore it is not treated in [WOT])”.

³ Относительно представленной в данной статье этимологии ПХант **jaau* ‘люди, мужчины’ проф. А. Рона-Таш отметил следующее: “The cited Turkic word *oq* has its primary meaning ‘arrow’. The *y-* > *ǰ-* is not proven here. The reconstruction **iuk* would not give *yǎx-* in Chuvash”.

⁴ Проф. А. Рона-Таш отметил достоинства данной этимологии ПХант **kän* / **kiin* ‘болезнь’, но указал на ее семантическую неоднозначность (“(it is) semantically not clear; see [WOT: 548—550])”.

Представляется, что ПОБУг реконструкция не очень надежна, т. к. хантыйские формы не сводятся в одну праформу. Обращает на себя внимание тот факт, что в этом слове наблюдается такое же соотношение по вокализму хантыйских диалектов, что и в предыдущем слове: ПХант *ä ~ *i. Сходство обско-угорских слов можно объяснить межъязыковыми заимствованиями.

Обско-угорские формы можно сравнить с чув. *pǎžǎ*, *pǎš* ‘бедро, ляжка’. Хантыйское и чувашское слова соотносятся друг с другом и фонетически, и семантически. Обско-угорские формы не имеют внешней этимологии. Чув. *pǎžǎ* ранее предлагалось сравнивать с туркм. *būt*, якут. *būt*, тур. *but*, тат. *bot* ‘бедро’ [ЭСЧЯ 1996, 1: 425] и с тур., кр.-тат. *bažak* ‘вся нога; бедро; лапа’ [Радлов 1911: 1522], но оба сопоставления не проходят по фонетическим причинам. Возведение чувашского слова к перс. *nāche* ‘ножка’ [ЭСЧЯ 1964: 158] еще М. Р. Федотов счел «невероятным». В [СИГТЯ 2000: 282] чув. *pǎžǎ* связывается с ПТю *bič-kak ‘лапки (шкур) животных’, где *-kak* — уменьшительный суффикс. Фонетически такое сопоставление допустимо, т. к. огубленный *ž* в чувашском языке может быть вторичным в позиции рядом с губным *p*-. Если чувашское слово действительно имеет тюркскую этимологию, то появляются основания постулировать булгаризм в обско-угорских языках ⁵.

5) ПХант **kooj-* / **köj-* / **kaj-* ‘остаток строганного дерева’ (слишком мало форм, поэтому точно ПХант гласный восстановить не удастся): Kaz (St) *χqjəŋ* (*χqjəŋem*), Sy *χujəŋ* ‘остаток строганного дерева’ [DEWOS: 447]. Соответствий ни в мансийском, ни в других финно-угорских языках нет.

Суффиксальный характер хантыйского форманта *-əŋ* и его вариантов очевиден: они меняются даже в рамках одного диалекта. Это отыменный словообразовательный суффикс, ср. ПХант *jur ‘знание’ > *jur-əŋ ‘гордость’.

Хантыйское слово можно сопоставить с чув. *χьjь* ‘лучина’ < ПТю **Kij-* ‘резать наискосок, делать зарубки; резать на мелкие кусочки’ [EDAL: 544], ср.: МК *qij-*, тур. *kij-*, туркм. *Gij-*, узб. *qij-*, кирг. *qij-*, хак. *xij-*, ойр. *qij-*, тув. *qij-*, якут. *kij-*. В словаре сибирско-татарских говоров представлены только *qij-u* ‘резать’ и производные от него глаголы, а также отглагольные существительные *qijiq* ‘лоскуток; клин, вставленный в платье’ и *qiju* ‘прорубь’ [Тумашева 1992: 138—139]. Среди тюркских форм только чувашская имеет значение ‘лучина’, близкое к семантике хантыйского слова ⁶.

6) ПХант *čulči / *čilči ‘мышь’: Kaz (St) *šöl’si* в сложении *šöl’si-pǎł’si* ‘мышь’ (?); Kaz (OL) *šǎł’si* (?) ‘род мыши’ [DEWOS: 1514]. Предлагается сравнивать с хант. VT *t’ul’mj*, Vj, VK *t’ul’mj*, Likr *t’jz’mj*, Mj, Trj, Pim *t’jłəm* ‘маленькая остромордая мышка’. Сопоставляется с манс. N *šol’si* ~ *sol’si* ~ *šöl’si* ~ *šöl’is* [*šöl’si*]; LM *šöl’is* ~ *šöliš* ~ *šol’eš* ~ *šol’es* ~ *šöl’eš*; LU *šöl’s*; P *šol’is* ~ *šäl’is*; K *söliš* ~ *söl’eš* ~ *söl’is* ~ *söliš*; T *šal’s* ~ *šal’is* ~ *šal’s* ‘горностаи’ [Munkácsi, Kálmán 1986: 598]. В корпусе [Honti 1982] ПОБУг сопоставление отсутствует.

ПХант *čulči / *čilči можно сопоставить с чув. *šьži* ‘мышь’ < ПТю *sičgan [EDAL: 1301], ср.: тат. *sičqan*, *tičqan*, башк. *sisqan*, каз. *tišqan*, др.-уйг. *sičyan*, тур. *sičan*, туркм. *sičan*, хал. *sičyān*, узб. *sičqan*, уйг. *sačqan*, *čačqan*, кирг. *čičqan*, кбалк. *cičxan*, ног. *šišqan*, хак. *sisxan*, шор. *šišqan*, ойр. *čičqan*, якут. *čis*. Отражение указывает именно на болгарский, а не пратюркский (> стандартно-тюркский) характер заимствованных форм. Булгарская палатализация, т. е. переход ПТю *s > булг. *š* в позиции перед ПТю *i, *i или восходящим дифтонгом, произошла уже ко времени ранних контактов с венграми — в венгерском языке она стандартно отражается как *š* (орфографически — *s*) [Дыбо 2011]. Неоднозначность передачи болгарского консонантизма при адаптации в хантыйском языке обусловлена тем, что на прахантыйском уровне имелись только *č, *č и *s. Инлаутный *-l-* в хантыйском может быть отражением болгарского сорного, ср. чув. диал. *šьrži* id.

Заимствование из болгарского предполагалось и для венг. *cziczkány* ‘землеройка’ [Gombocz 1912: 66], но, согласно [EWU], это слово появилось в венгерском из научного немецкого языка, где, в свою очередь, является кыпчакизмом ⁷.

7) ПХант. *saart ‘щука’: V, Vj, Vart, Likr, Mj *sart* (V *surtəm*); Trj, J *sårt* (*surtəm*); I (DN, Fil, KoP, Koš, Kr) *sort*; Ni, Š, Kaz *sort*; Sy *sør*; O *sart* ‘щука’ [DEWOS: 1375]. Сопоставляется с манс. N *sort* ~ *sårt* [*sort*], LM, LU *sart*, P, K, T *sårt* id. [Munkácsi, Kálmán 1986: 564]. В [Honti 1982] реконструируется ПОБУг *sårt.

⁵ Замечание проф. А. Рона-Таша: “The Chuvash word has no acceptable etymology”.

⁶ Проф. А. Рона-Таш, в целом отмечая допустимость этимологии ПХант **kooj-* / **köj-* / **kaj-* ‘остаток строганного дерева’ (“(it is) basically acceptable”), указывает, однако, на хронологические трудности, связанные с переходом *q-* > *x-* (“chronological problems with *q-* > *x-*”).

⁷ Замечание проф. А. Рона-Таша по поводу этимологии ПХант *čulči / *čilči ‘мышь’: “I do not see from where the /l/ in Khanty comes. The word has a verbal origin, see [WOT: 1180]”.

Как нам представляется, отношения хантыйских и мансийских форм трудно проинтерпретировать однозначно. По крайней мере, нет препятствий для того, чтобы считать мансийские формы заимствованными из хантыйского языка.

Обско-угорские формы ранее сопоставлялись с коми *śir id.* [Лыткин, Гуляев 1970: 257]. В [UEW] восстанавливается ПФУ **śurз*, обско-угорский *-t* назван “ein denom(inal) Nominalsuffix”, а препятствующий сопоставлению передний гласный в коми предлагается связывать с влиянием палатального анлаутного согласного [UEW: 492]. Вопреки этому предположению, коми и обско-угорские формы не сводимы из-за вокализма [Норманская 2008]. Поскольку убедительной финно-угорской этимологии у обско-угорских форм нет, следует предполагать заимствование.

Фонетически убедительно выглядит возведение хантыйской формы к башк. *sortan* ‘щука’, ср. тат. *śurtan* < ПТю **čortan* [EDAL: 453]; ср. туркм. *čortan*, кирг. *čorton*, каз. *šortan*, хак. *sortan*, ойр. *čorton*, тув. *šortan*, якут. *sordoŋ*. Однако это сопоставление не проходит из-за очень широкого распространения обско-угорских форм. Заимствование имело место явно до появления специфически башкирских черт, к которым относится переход ПТю **č* > башк. *s*.

В таком случае можно предположить заимствование из болгарского языка: ср. чув. *śǝrttan*, *śǝrdan id.* из той же пратюркской основы. Значительная сложность (как и при предположении о заимствовании из башкирского) заключается в необъясненной потере форманта *-an* в хантыйском языке (результат переразложения основы?).

Отдельного рассмотрения заслуживает отражение в этом предполагаемом заимствовании болгарского рефлекса ПТю **č*. В болгарских заимствованиях в венгерский язык ПТю **č* в позиции не перед ПТю **i*, **i* или восходящим дифтонгом отражается как *š* (орфографически — *s*) [Róna-Tas 1982: 144]. Согласно интерпретации А. В. Дыбо, это говорит о том, что ПТю **č* в обычной позиции уже в раннеболгарском дал фриктивный рефлекс [Дыбо 2011]. В болгарских заимствованиях в марийский язык ПТю **č* > чув. *ś* стандартно отражается как *s*, см. выборку в [Федотов 1990: 229—240]. Приведенное там же мар. *čortan* ‘щука’, как представляется, ошибочно отнесено к числу чувашизмов — на самом деле это заимствование из татарского. Таким образом, есть основания думать, что ко времени предполагаемых контактов с хантами ПТю **č* дал в болгарском языке фриктивный рефлекс, который, возможно, отражается как *s*- в хантыйском названии щуки⁸.

8) ПХант **kaaŋrV* (> Kaz), *U*-умлаут — **kuuŋrV* (> Ni) ‘насекомое’: Ni *χuŋ'ra*; Kaz (KT, St) *χɔŋ'ri*; I (DN, KoP, Kt) *t'oŋχər* < **χoŋχər*; O *χaraŋ* < *χaŋ'ra* ? [DEWOS: 527]. Все эти слова встречаются в композитах со значением ‘стрекоза’ (Ni *śǝŋ'ra χuŋ'ra*, Kaz *śǝŋ'ri χɔŋ'ri* и т. д.). Сопоставляется с композитом манс. N *śǝχri-χǝχri id.*, что представляется фонетически малоубедительным; вероятно, поэтому это сопоставление отсутствует в работе [Honti 1982].

По мнению В. Штейница, приведенное слово “wohl deskriptiv”. Однако хантыйские формы можно сопоставить с чув. *χǝmǝr* ‘насекомые вообще’, *χort-χǝmǝr* ‘пчелы, насекомые’ [СЧЯ, 16: 327], *χǝmǝr-duri* ‘шмель’ [Мудрак 1993: 41], ‘трутень’ [EDAL: 566]. Чувашское слово возводится к ПТю **Koŋur* ‘жук’, которое дает тат. *qoŋuz* и сиб.-тат. (тар.) *quŋiz id.* [Тумашева 1992: 134], а также др.-уйг. *qoŋuz*, узб. *quŋiz*, уйг. *qoŋuz*, башк. *quŋið*, кирг. *qoŋuz*, каз. *qoŋiz*, хак. диал. *xōs* и т. д.

Судя по широкому распространению в хантыйских диалектах и по ротацизму, это слово было заимствовано в прахантыйский из тюркского языка болгарского типа. В других тюркских языках ротацизм обнаруживается только в якут. *χoŋur-duos*, *χomur-duos* ‘жук’, которые с указанными выше тюркскими словами сопоставлял еще Т. Текин [Tekin 1969: 62].

С фонетической стороны единственное, но значительное затруднение состоит в том, что ПТю **ŋ* в позиции перед узким гласным достаточно рано дал в болгарской группе **m*. Венгерский язык, по всей видимости, мало что может дать для установления временных рамок этого перехода, поскольку в венгерских болгаризмах позиция «ПТю **ŋ* перед узким гласным» не отражена⁹. Зато есть пример чув. *kǝmǝl* ‘настроение’ < ПТю **kōŋil*, откуда заимствованы мар. Л *kumil* и мар. Г *kimil* [Федотов 1990: 192], т. е. ко

⁸ Проф. А. Рона-Таш также указывает на необъяснимость потери форманта *-an* в хантыйском языке: “The loss of the final *-an* is not motivated”.

⁹ В качестве примера можно привести разве что болгаризм *gyom* ‘сорняк’, ср. чув. *śom* и ойр. *joŋ*. Как показано в [Мудрак 1989: 219], переход других носовых сонантов в *-m*- действовал и в «ауслатной» позиции, если исторически после них в болгарском языке был представлен редуцированный гласный, которому соответствовал особый пратюркский ауслатный гласный («краткий конечный **u*»?). Однако в [EDAL] в качестве основной дана форма ПТю **jom* (т. е. с *-m*- уже на ПТю уровне), реконструкция **joŋ* приводится под знаком вопроса.

времени булгаро-хантыйских контактов уже вполне ожидаемо было бы видеть на месте ПТю *ɲ губной, а не велярный сонант¹⁰.

Заключение

Приведенный выше корпус предполагаемых болгарских слов в хантыйском языке, строго говоря, слишком мал, чтобы на его основании можно было анализировать правила адаптации болгарской фонетики (особенно вокализма) при заимствовании. Большинство получающихся соответствий либо встречаются один раз, либо вполне тривиальны. Вместе с тем интересно, что, например, в нашей выборке дважды представлены слова с ПТю корневым *o (*čortan ‘щука’ и *Koŋur ‘жук’), которому соответствует -*ɔ*- в чувашском (*šɛrttan*, *χɛmɔr*); оба раза в прахантыйском языке реконструируется долгий *aa (*saart, *kaaŋrV). К этим случаям примыкает пример с пратюркским дифтонгом *ju (*juk ‘род’), который дает в чувашском -*ɔ*- (*jɔχ*); в прахантыйском отражении этой основы тоже реконструируется *aa (*jaau).

Примечательны и два слова (примеры 3 и 4), для которых по вокализму не восстанавливается единая прахантыйская форма: для части диалектов реконструируется *ä, для части — *i. Междиалектное соответствие, несвойственное исконной хантыйской лексике, дополнительно свидетельствует о заимствованном характере данных слов. Несводимость их к одной праформе может свидетельствовать о том, что заимствование произошло уже после распада прахантыйского языка.

Что касается консонантизма, то в рассмотренных выше заимствованных словах хантыйского языка отразились такие специфически болгарские процессы, как ротацизм (ПТю *r > булг. *r*), переходы ПТю *s > булг. *š* (в позиции перед ПТю *i и *ɨ) и ПТю *č > булг. *š*.

Из восьми рассмотренных здесь хантыйских слов семь — либо прахантыйские, либо севернохантыйские. Между тем сибирско-татарские по происхождению слова распространены в основном в восточных и юго-западных диалектах хантыйского языка; существует небольшая группа заимствований из сибирско-татарского, представленных во всех группах хантыйских диалектов, а сепаратных татаризмов в северо-западных диалектах хантыйского практически нет [Норманская, Дыбо forthc.]. Тот факт, что рассмотренные слова имеют иную диалектную представленность в хантыйском, чем кыпчакизмы, служит не решающим, но значимым аргументом в пользу заимствования из болгарского языка. Вместе с тем формы типа ПХант. *čulci / *čilci ‘мышь’ при чув. *švrži* < ПТю *sičgan и ПХант *saart ‘щука’ при чув. *šrttan* < ПТю *čortan, отражая болгарские палатализации, указывают на то, что заимствование не могло относиться к пратюркской эпохе.

В заключение следует подчеркнуть, что выводы, сделанные в настоящей статье, носят предварительный характер. Вопрос о контактах болгар и обских угров еще очень мало исследован, его изучению поспособствуют сбор новых экспедиционных материалов, дальнейшая разработка исторической фонетики чувашского и обско-угорских языков, новые данные археологии и т. д.

Сокращения

Языки и диалекты

аз. — азербайджанский	манс. — мансийский
башк. — башкирский	К — кондинский диалект
булг. — болгарский	LM — среднелозьвинский диалект
венг. — венгерский	LU — нижнелозьвинский диалект
др.-тюрк. — древнетюркский	N — северномансийские диалекты
др.-уйг. — древнеуйгурский	So — сосьвинский диалект
зыр. — коми-зырянский	P — пелымский диалект
каз. — казахский	T — тавдинский диалект
кбалк. — карачаево-балкарский	мар. — марийские
кирг. — киргизский	Г — горномарийский
кр.-тат. — крымско-татарский	Л — луговой марийский
крх. — караханидско-уйгурский	МК — язык Махмуда Кашгарского (XI в.)

¹⁰ Замечание проф. А. Рона-Таша по поводу этимологии ПХант *kaaŋrV ~ *kuuŋrV ‘насекомое’: “See [WOT: 560—562]”.

ног. — ногайский	тат. — татарский
ойр. — ойротский	тув. — тувинский
ОТю — общетюркский	тур. — турецкий
перс. — персидский	туркм. — туркменский
ПМанс — прамансийский	удм. — удмуртский
ПОБУг — праобско-угорский	узб. — узбекский
ПТю — пратюркский	уйг. — уйгурский
ПФУ — прафинно-угорский	хак. — хакасский
ПХант — прахантыйский	хал. — халаджский
сиб.-тат. — сибирско-татарский	
тар. — диалект сибирско-татарского языка в Тарском районе Омской области	

хант. — хантыйский

Ahl — березовский говор (говор с. Березово) в записях А. Альквиста

I — иртышский диалект

DN — верхнедемьянский говор

DN-Sal — верхнедемьянский говор с элементами салымского диалекта (говора верхнего течения р. Салым)

Fil — говор юрт Филинских на р. Иртыш

Patk — иртышские говоры в записях С. К. Патканова

Ts — цингальский (цингалинский) говор (говор с. Цингалы) на р. Иртыш

Kaz — казымский диалект

KT — казымский диалект по материалам словаря К. Ф. Карьялайнена [Karjalainen 1948]

OL — казымский диалект в записях К. Ф. Карьялайнена, по [Karjalainen 1905]

St — казымский диалект в рукописных материалах В. Штейница

Ko — кондинский диалект

KoP — говор юрт Каменских на р. Конда

Koš — говор юрт Кошелевских на р. Конда

Kr — говор юрт Красноярских на р. Конда

Ni — низямский диалект

O — обдорский диалект

PB — хантыйские данные в записях Э. Беке, по [Beke 1907—1908]

Reg — хантыйские данные в записях А. Регули

Sur — сургутский диалект

J — юганский говор

Likt — говор с. Ликрисовское на р. Обь

Mj — малоюганский говор (говор по р. Малый Юган)

Pim — пимский говор

Tgj — тромъеганский говор

Sy — сынский диалект (диалект по р. Сыня)

V — ваховский диалект

VT — ваховский диалект в записях Н. И. Терешкина

Vart — вартовский диалект

Vj — васюганский диалект

VK — верхнекалымский диалект

Vol — хантыйские данные в записях свящ. П. Вологодского

Š — шеркальский диалект

чув. — чувашский

шор. — шорский

якут. — якутский

Общие

диал. — диалект, диалектный

pl. — plural (множественное число)

Литература

Ашмарин 1902 — *Ашмарин Н. И.* Болгары и чувашы. Казань, 1902. {*Ašmarin N. I.* Bolgari i čuvaši. Kazan', 1902.}

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urkov: Leksičeskij fond. Prāt'urkskij period. M., 2007.*}

Дыбо 2010 — Дыбо А. В. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2010, 32/33. S. 83—132.* {*Dybo A. V. Vokalizm rannet'urkskix zaimstvovanij v vengerskom // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2010, 32/33. P. 83—132.*}

Дыбо 2011 — Дыбо А. В. Отражение болгарских палатализаций в булгаризмах венгерского языка // *Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации. Материалы международной конференции. Чебоксары, 2011. С. 10—21.* {*Dybo A. V. Otráženie bulgarskix palatalizacij v bulgarizmax vengerskogo jazyka // Čuvaškij jazyk i etnos v istorii evrazijskoj civilizacii. Materialy meždunarodnoj konferencii. Čeboksary, 2011. P. 10—21.*}

Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lutkin V. I., Gul'aev E. S. Kratkij etimologičeskij slovar' komi jazyka. M., 1970.*}

Мудрак 1989 — Мудрак О. А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1 (Тезисы докладов). М., 1989. С. 216—222.* {*Mudrak O. A. Specifičeskie droblenija konsonantnyx refleksov v čuvašskom jazyke // Lingvističeskaja rekonstrukcija i drevnejšaja istorija Vostoka. Part 1 (Tezisy dokladov). M., 1989. P. 216—222.*}

Мудрак 1993 — Мудрак О. А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A. Istoričeskie sootvetstvija čuvaškix i t'urkskix glasnyx: Opyt rekonstrukcii i interpretacii. M., 1993.*}

Мункачи Письмо 1903 — Письмо Бернгарда Мункачи из Будапешта от 12.02.1903 г. на имя Н. И. Ашмарина // *НА ЧНИИ. Отд. IV. Д. 151. Л. 213.* {*Pis'mo Berngarda Munkači iz Budapešta ot 12.02.1903 g. na im'a N. I. Ašmarina // NA ČNII. Otd. IV. D. 151. L. 213.*}

Напольских 2002 — Напольских В. В. «Угро-самодийская» топонимика в Прикамье: Заблуждения и реальность // *Древнетюркский мир: История и традиции / Ред. Арсланова А. А., Байбулатова Л. Ф., Загидуллин И. К. Казань, 2002. С. 85—105.* {*Napol'skix V. V. "Ugro-samodijskaja" toponimika v Prikam'je: Zabluzdenija i real'nost' // Drevnet'urkskij mir: Istorija i tradicii / Ed. Arslanova A. A., Bajbulatova L. F., Zagidullin I. K. Kazan', 2002. P. 85—105.*}

Напольских 2005 — Напольских В. В. Йöгра: Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия // *Антропологический форум. № 3. Санкт-Петербург, 2005. С. 240—268.* {*Napol'skix V. V. Jögra: Rannie obsko-ugorsko-permskie kontakty i etnonimija // Antropologičeskij forum. № 3. Sankt-Peterburg, 2005. P. 240—268.*}

Напольских 2008 — Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // *Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург — Сургут, 2008. С. 14—25.* {*Napol'skix V. V. Permsko-ugorskie vzaimootnošenija po dannym jazyka i problema granic ugorskogo učastija v etničeskoj istorii Predural'ja // Voprosy arheologii Urala. Vol. 25. Ekaterinburg — Surgut, 2008. P. 14—25.*}

Норманская 2008 — Норманская Ю. В. Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008. {*Normanskaja Ju. V. Rekonstrukcija pračinno-volžskogo udarenija. M., 2008.*}

Норманская, Дыбо forthc. — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тюркские заимствования в финно-угорских названиях одежды // *Российская тюркология (в печати).* {*Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. T'urkskie zaimstvovanija v finno-ugorskix nazvanijax odeždy // Rossijskaja t'urkologija (forthc.).*}

ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / Ред. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеев К. М., 1976. {*Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Marijskij, permskie i ugorskie jazyki / Ed. Lutkin V. I., Majtinskaja K. E., Rédei K. M., 1976.*}

Радлов 1911 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб., 1911. {*Radlov V. V. Opyt slovar'a t'urkskix narečij. Vol. 4. SPb., 1911.*}

СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2000. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Ed. Tenišev E. R. M., 2000.*}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2002. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Ed. Tenišev E. R. M., 2002.*}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {*Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prāt'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prāt'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Ed. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.*}

СЧЯ — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Чебоксары, 1994—2000. {*Ašmarin N. I. Slovar' čuvaškogo jazyka. Vol. 1—17. Čeboksary, 1994—2000.*}

Тумашева 1992 — Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992. {*Tumaševa D. G. Slovar' dialektov sibirskix tatar. Kazan', 1992.*}

- Федотов 1990 — *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990. {*Fedotov M. R.* Čuvašsko-marijskie jazykovye vzaimosv'azi. Saransk, 1990.}
- ЭСЧЯ 1964 — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {*Egorov V. G.* Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Čeboksary, 1964.}
- ЭСЧЯ 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Vol. 1—2. Čeboksary, 1996.}
- Beke 1907—1908 — *Beke Ö.* Északi-ostják szójegyzék. Nordostjakisches Wörtverzeichnis. Budapest, 1907—1908.
- DEWOS — *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966—1993.
- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.
- EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen / Ed. *Benkő L.* Budapest, 1993—1994.
- Gombocz 1912 — *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXX.) Helsinki, 1912.
- Helimski 2001 — *Helimski E.* Ablaut als Umlaut im Ostjakischen: Prinzipien und Grundzüge der lautgeschichtlichen Betrachtung // Fremd und Eigen: Untersuchungen zu Grammatik und Wortschatz des Uralischen und Indogermanischen, in memoriam Hartmut Katz. Wien, 2001. S. 55—76.
- Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.
- Kannisto 1927 — *Kannisto A.* Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1927, 17. S. 57—89.
- Karjalainen 1905 — *Karjalainen K. F.* Zur ostjakischen Lautgeschichte. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXIII.) Helsinki, 1905.
- Karjalainen 1913 — *Karjalainen K. F.* Wie Ego im ostjakischen die verwandten benennt // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1913, 13. S. 207—295.
- Karjalainen 1948 — *Karjalainen K. F.* Ostjakisches Wörterbuch / Bearb. und hrsg. von *Toivonen Y. H.* Bd. I—II. Helsinki, 1948.
- KSz. — Keleti Szemle. Revue Orientale. Bd. I. Budapest, 1900.
- Munkácsi 1895 — *Munkácsi B.* Az “ugor” népnevezet eredete // Ethnographia. 1895, 6. P. 349—387.
- Munkácsi, Kálmán 1986 — *Munkácsi B., Kálmán B.* Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B.* Budapest, 1986.
- Paasonen 1902 — *Paasonen H.* Über die türkischen Lehnwörter im ostjakischen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1902, 2. S. 81—137.
- Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
- Rédei 1991 — *Rédei K.* Bemerkungen zu zwei mißlungen etymologischen Versuchen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1991, 50. P. 161—171.
- Rédei, Róna-Tas 1983 — *Rédei K., Róna-Tas A.* Early Bulgarian loanwords in the Permian languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1983, 37/1—3. P. 3—41.
- Róna-Tas 1982 — *Róna-Tas A.* The periodization and sources of the Chuvash linguistic history // Chuvash Studies. Budapest, 1982. P. 113—169.
- Róna-Tas, Berta 2011 — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. I—II. Wiesbaden, 2011.
- Tekin 1969 — *Tekin T.* Zetacism and Sigmatism in Proto-Turkic // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1969, XXII (1). P. 51—80.
- Toivonen 1943—1944 — *Toivonen Y. H.* Türkische Lehnwörter im Ostjakischen // Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomukset, 52. Helsinki, 1943—44. S. 5—20.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.
- Uotila 1933 — *Uotila T. E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXV.) Helsinki, 1933.
- Wichmann 1903 — *Wichmann Y.* Die Tschuwassischen Lehnwörter in den Permischen Sprachen. (= Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXI.) Helsinki, 1903.
- WOT — *Róna-Tas A., Berta A.* West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. Wiesbaden, 2011.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены несколько хантыйских слов предположительно болгарского происхождения. Фонетический и семантический анализ проведен на основании прахантыйской реконструкции и данных современного чувашского языка. Установлено, что болгаризмы в хантыйском языке имеют более широкую диалектную представленность по сравнению с заимствованиями из сибирско-татарского языка.

SUMMARY

The article examines the Khanty words which seem to be loaned from the Bulgar language. The phonetic and semantic analysis of their features is based on the Proto-Khanty reconstruction and data of the modern Chuvash language. It is established that the Bulgar loanwords have a broader representation in the Khanty dialects than the Siberian Tatar ones.

Ключевые слова: болгарский язык, хантыйский язык, сибирско-татарский язык, чувашский язык, заимствования, языковые контакты

Keywords: the Bulgar language, the Khanty language, the Siberian Tatar language, the Chuvash language, loanwords, language contacts